

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРЕФИКСОВ И РАЗВИТИИ ИХ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (Sobre el origen de los prefijos y el desarrollo de su semántica en la lengua rusa)

©Елена В. Синицына
Волгоградская академия МВД, Волгоград (Россия)
Elena V. Sinitsyna
Academia del Ministerio del Interior, Volgogrado (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 24.05.2012

Fecha de evaluación: 29.09.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 163-169

ABSTRACT

The article is devoted to the popular theories about the origin of prefixes in Indo-European and particularly Slavonic languages. The conceptions presented by authoritative scientists are analysed, the author's point of view according to the question about the origin of prefixes in the language. The process of verbal prefix meanings' development is reviewed, the brief characteristic of semantic evolutions of prefixes is given. The examples of prefixal verbs from the Old Russian and Russian language are given. These examples demonstrate the mechanics of the origin of different prefixes' meanings and illustrate the fact that the verbal prefixes' polysemy exists. The difficulties in description of prefixion which lead to different approaches are mentioned.

Key words: prefix, semantics, meaning, prefixal verbs, the Old Indo-European language.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются популярные теории о происхождении приставок в индоевропейских и, в частности, славянских языках. Проводится анализ концепций, предложенных рядом авторитетных лингвистов, приводится собственная точка зрения автора по вопросу о возникновении приставок в языке. Также в работе обзорно рассмотрен процесс развития значений глагольных префиксов, дана краткая характеристика эволюции семантики приставок. На примерах префиксальных глаголов древнерусского и современного русского языков демонстрируется механизм возникновения разных значений у префиксов и иллюстрируется факт наличия полисемичности у глагольных приставок. Отмечаются сложности, имеющиеся в описании префиксации и приводящие к появлению разных подходов к рассматриваемым явлениям.

Ключевые слова: префикс, семантика, значение, полисемичность, префиксальные глаголы, праиндоевропейский язык.

Как и в любом вопросе лингвистики, касающемся фонетических, словообразовательных и морфемных систем древних языков, происхождения префиксов или словоформ и т. д., не может быть чёткого ответа на вопрос, когда именно, как и откуда появились приставки. Однако такие видные исследователи индоевропейских и славянских языков, как А. Мейе, И. М. Тронский, А. Вайан, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, имеют сходную точку зрения, заключающуюся в том, что в праиндоевропейском языке существовала отдельная группа неизменяемых

слов, больше всего похожих по характеристикам на наречия. Эти слова сначала были самостоятельны и по отношению к именам, и по отношению к глаголу, а впоследствии из них образовались предлоги, сохранившие относительную самостоятельность, и приставки, присоединившиеся к знаменательным частям речи.

Основывается данное предположение на анализе древних текстов и некоторых остаточных конструкций в отдельных индоевропейских языках, проведенном названными учеными. Их исследования показали, что эти слова синтаксически представляли собой одновременно послелого и превербы, то есть одновременно могли относиться и к имени, и к глаголу, находясь при этом в постпозиции по отношению к имени и в препозиции по отношению к глаголу. Затем, по предположению ученых, произошла некая перестройка структуры индоевропейского языка, вследствие которой освободилась позиция перед глаголом и появилась возможность присоединения к ним префиксальных элементов, которые и возникают из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов (Табаченко 1996: 15).

На базе независимых реляционных элементов постепенно появились и предлоги, и приставки; первые – в сочетании с именем, а вторые – с глаголом. В связи с этим можно заметить, что приставочное словообразование наиболее активно развито у глаголов – ведь исторически префиксы могли присоединяться исключительно к ним. Точнее, вначале они занимали позицию отдельного слова перед глаголом, а затем сливались с глагольной основой, превращаясь в приставки в том смысле, в каком они понимаются сейчас.

Заметим, что в некоторых других индоевропейских языках префиксы по сей день сохраняют большую самостоятельность – по сравнению с приставками русского языка. Так, в немецком языке часть глагольных префиксов отделяется от глагола в определенных конструкциях, например, в глаголе *aufstehen* ('встать') префикс *auf-* обязательно отделяется в повествовательных предложениях типа *Um 6.00 Uhr stehe ich auf* ('Я встаю в 6 часов').

В научной литературе существуют очень разные, вплоть до диаметрально противоположных, точки зрения на семантические и словообразовательные характеристики приставок.

Некоторые исследователи считают ошибочным в принципе мнение о том, что у приставок имеются реальные смысловые значения, и, соответственно, то, что почти все приставки русского языка многозначны. Так, Е. С. Кубрякова пишет следующее: «В теории словообразования широко представлено мнение о том, что носителем словообразовательного значения является словообразовательный аффикс или другой деривационный формант. Мы обосновываем иную точку зрения. Поскольку реализация словообразовательного значения связывается нами со всей морфологической структурой деривата, само значение оказывается зависимым не только от выбора деривационного средства, но и от выбора источника наименования: оно равно обусловлено как ономазиологическим базисом и ономазиологическим признаком производного, так и типом устанавливаемой между ними связи» (Кубрякова 1981: 4). Сходную позицию отстаивает и И. С. Улуханов, раскрывая её, например, при рассмотрении приставки *пере-*: «Глаголы с приставкой *пере-*, означающие действие, направленное из одного места в другое через предмет или

пространство (*переехать, перенести, пересест* и т. п.), мотивируются глаголами, означающими перемещение. Это не только глаголы конкретно-физического движения, которые составляют абсолютно преобладающее большинство мотивирующих слов и с которыми сочетаются практически все приставки в локальном значении, но и глаголы, обозначающие перемещение сигналов информации, например, *пересказать, перетелеграфировать*... Конкретные разновидности общего значения приставки *пере-* – значения перемещения – не влияют на значение приставки *пере-*, которое остаётся тем же самым, как в глаголах движения, так и в глаголах, обозначающих иные действия, которые могут быть направлены. Сама приставка отнюдь не обозначает движения (как часто утверждается в исследованиях), а лишь указывает определённое направление для выраженного мотивирующим глаголом» (Улуханов 1977: 223).

На наш взгляд, подобная точка зрения слишком категорична, и мы не можем с ней согласиться. Согласно приведённым выше утверждениям названных исследователей, каждая приставка имеет только одно значение. Но анализируемые самими учёными примеры опровергают это предположение: у глаголов *переехать* и *пересказать* (так же, как и у мотивирующих их бесприставочных глаголов *ехать* и *сказать*) слишком мало сходного в семантике, собственно, только общее категориальное значение процессуальности. Соответственно, и префикс *пере-* здесь употреблён в разных значениях и имеет разную сочетаемость. В первом случае он присоединяется к глаголу движения и имеет значение ‘направленность действия из одного места в другое’, а во втором – к глаголу коммуникации, скорее всего, в значении ‘повторение действия заново’. Мы не можем говорить конкретно, потому что значение префикса *пере-* даже в употреблении с одним и тем же глаголом (в данном случае – *сказать*) может варьироваться. Без контекста непонятно, какое из трёх значений производного глагола (*пересказать*) – ‘изложить своими словами прочитанное или услышанное’, ‘рассказать заново, ещё раз что-либо уже рассказанное’, ‘рассказать всё, многое’ (МАС 1984: т. 3, 95) – имел в виду И. С. Улуханов. В самом общем смысле все они отражают некое «перемещение сигналов информации», что вовсе не говорит об одном и том же оттенке значения, придаваемом именно приставкой.

Таким образом, считая несостоятельной теорию о наличии у приставок единственного значения, мы присоединяемся к точке зрения В. В. Виноградова, Б. Н. Головина, Н. Ю. Шведовой и многих других авторитетных лингвистов. По нашему мнению, прав был Н. В. Крушевский, выделяя в производных приставочных глаголах два центра – собственно глагольную основу и приставку, при этом основное значение передаётся основой, а оттенок значений – префиксом (Крушевский 1998: 152). О. И. Дмитриева, относя это замечание к числу «перспективных идей», поясняет: «Префиксальный глагол, таким образом, может рассматриваться как внутренняя синтагма, состоящая из двух структурных компонентов: производящей основы и словообразующего форманта – и связанная с двумя понятийными рядами одновременно: по семантике префикса и по семантике мотивирующего глагола» (Дмитриева 2002: 80). Кроме того, Н. В. Крушевский отмечал и особую роль приставок по сравнению с другими аффиксами: «В противоположность суффиксу префикс имеет почти всегда определенное значение, то есть он

сообщает слову главным образом один какой-нибудь оттенок», а по отношению к производящему глаголу «...мы видим здесь тот же принцип сочетания, что в языках агглютинационных» (Крушевский 1998: 152). Агглютинационными Н. В. Крушевский называет агглютинативные (или агглютинирующие) языки (напр., тюркские), для которых характерна развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации: образование в этих языках грамматических форм и производных слов осуществляется путём присоединения к корню или к основе слова аффиксов, имеющих грамматические и деривационные значения. По своим чертам эти языки противопоставлены флективным (напр., славянским), в которых преобладает словоизменение при помощи флексий.

Подтверждает мысль учёного о наличии значений у префиксов и тот факт, что префиксы исторически восходят к вполне самостоятельным словам, а, следовательно, могут и должны сохранять свои собственные значения, которые в современном русском языке (и в других славянских языках) предстают в качестве компонентов значения префиксального глагола. И то, что приставки изменяют значение слова, являясь словообразующими аффиксами, сомнений, на наш взгляд, не вызывает, как не вызывает их и тот факт, что приставки полисемичны, к чему мы обратимся далее.

Значения обнаруженных в праиндоевропейском языке реляционных элементов, о которых говорилось выше, носили пространственный характер. По этому вопросу Л. В. Табаченко замечает, что «на первом этапе эволюции приставок наречная по происхождению морфема вносила только лексическое значение, локально уточняя действие глагола» (Табаченко 1996: 16). При этом не требовалось употребление предлога, поскольку префикс брал на себя его функции. Заметим, что памятники древнерусского языка сохранили остатки этого явления: например – *Зь добрымь бо думъцею князь висока стола додумаетца* («Моление Даниила Заточника») (Срезневский 1958: т. 1, 689), или – *Сего мя довел брат мой* («Летопись по Ипатьевскому списку») (Срезневский 1958: т. 1, 685). В современном русском языке в подобных предложениях требуется употребление предлога *до* – *додуматься до чего-либо*, *довести до чего-либо*; в древнерусском, как показывают приведённые предложения, ещё возможны были синтаксические конструкции без предлога, хотя также можно обнаружить некоторые примеры, по построению сходные с современным русским языком: *Аще съ въвадитъ волкъ въ овцэ, то выносить все стадо, аще не ибьють его* (Повесть временных лет 6453 г.) (Там же: 326). Здесь наблюдается обычное для русского языка «дублирование» приставки предлогом, безусловно, понятное и необходимое с позиций современной грамматики. Необходимо уточнить, что названная особенность древнерусского языка – это лишь остаток древнейших свойств префиксов, поскольку «...приставки, бывшие в индоевропейском языке самостоятельными словами, весьма рано стали примыкать либо к имени, либо к глаголу: они превратились в своего рода префиксы» (Мейе 2007: 435).

Постепенно прибавление приставки стало, помимо пространственных характеристик, содержать значение предела, границ, до которых распространяется действие. Так появлялось общее значение у глагольных префиксов – значение завершённости действия, его конечности, это то самое значение, которое в современном русском языке выражает глагольная категория совершенного вида. «В процессе исторической жизни языка произошло отвлечение, абстрагирование

этой общей для всех приставок функции», – говорит Л. В. Табаченко о значении предельности (Табаченко 1996: 18).

И далее: «Развив значение предельности, приставки перестали быть внешним обстоятельственным конкретизатором глагольного действия, присоединенным к глагольной основе при помощи агглютинации. Переосмысление пространственной предельности во внутренний предел действия привело к сплавлению семантики приставки и глагольной основы, к их взаимодействию и рождению нового значения – значения приставочного деривата, семантика которого не равна сумме значений приставки и глагольной основы. Развитие приставочного словообразования, вовлечение в этот процесс все большего числа глаголов приводило к кристаллизации словообразовательных типов, основное значение которых нередко начинает сосредоточиваться в приставке» (Табаченко 1996: 23). Это принципиально важно в рамках нашего исследования, поскольку позволяет понять, каким образом у приставок формировались значения, как получилось, что они стали смысловыми элементами.

Попробуем уточнить общий механизм возникновения разных значений (без учёта значения предельности) у префиксов. Помимо изначально имевшихся у них локальных значений (которые сохранились и в современном русском языке), стали появляться значения отвлечённые, которые возникали по принципу метафорического переноса, наподобие того, как возникают переносные значения в лексике. К примеру, приставка *из-/ис-* имела в качестве пространственного значение ‘удалить(ся) из чего-нибудь’ (образно говоря – значение ‘вон, прочь’). В современном русском литературном языке это значение у рассматриваемого префикса является непродуктивным, и слова, имеющие его в своём составе, относятся к высокой или книжной лексике: например, *изгнать, истечь* (РГ 1980: т. 1, 361). Впоследствии это значение вполне могло быть переосмыслено до одного из имеющихся в современном русском языке значений этой приставки, которое можно выразить как ‘уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-нибудь’: *исписать, извязать, измазать*. Или префикс *вы-* – из пространственного значения ‘направление действия наружу’ (*выехать, выгрузить*) развил значение ‘получение, добывание’ (*высмотреть, выиграть, высудить*). «Добыть нечто» посредством совершения действия, названного мотивирующим глаголом, «получить некую выгоду» означает «вытащить наружу» в абстрактном смысле.

Примерно таким образом и появлялись многообразные значения у всех приставок, и поскольку переосмысление первичного значения могло идти не одним путём, а таким сложным, что с позиций современного русского языка порой практически невозможно уловить ту грань, которая связывает значения одной и той же приставки воедино, то сейчас в русском языке у некоторых префиксов насчитывается до десяти значений (к таким относятся приставки *за-* и *пере-*) (РГ 1980: 355 – 375), хотя можно выделить и больше оттенков, если отграничивать даже малозначительные изменения в смысле.

Тот факт, что не только во всех славянских языках, но даже и в других индоевропейских языках, не столь близких русскому, как славянские, обнаруживаются одинаковые значения аналогичных префиксов, прямо указывает на то, что основные свои смыслы приставки приобрели очень рано, в праиндоевропейскую эпоху. Так,

Э. А. Галнайтите рассматривает глаголы с приставкой *po-* в русском и литовском языках и выделяет семь общих значений и лишь два значения, которые имеются только в русском языке (Галнайтите 1959: 9 – 12).

Таким образом из первичных пространственных значений у каждой приставки появились другие, более абстрактные значения, связанные какой-либо общей семой, определяемой первичным значением. Однако это лишь одна из точек зрения на вопрос о полисемичности префиксов. С ней согласны такие исследователи, как Э. М. Архангельская, И. А. Воробьёва, Е. И. Самохвалова.

Признавая первичность пространственных значений, другие лингвисты (например, В. Б. Силина) считают, что некоторые из своих вторичных значений приставки получали следующим образом: сначала проходил этап десемантизации, а затем семантического «заражения» от основ определенной лексико-семантической группы глаголов, к которым эти приставки присоединялись. Затем новое значение закреплялось за приставкой, и она могла нести его «самостоятельно», наряду со своим пространственным значением и другими, из него возникшими.

Первый подход нам кажется более верным, т. к. при анализе глагольных приставочных образований русского языка действительно можно выделить у каждой приставки ту общую сему, которая присутствует в каждом значении префикса, начиная с первичного пространственного, хотя она может быть и не выражена эксплицитно. Например, для приставки *из-*, как мы говорили, – это сема ‘вон, прочь’, для *о-* – ‘вокруг’ и т. д. Необходимо заметить, что значение предельности появилось у приставок почти одновременно с локальным (кстати, вполне возможно, что и одновременно) и поэтому в силу своей всеобщности и грамматикализованности является особым значением, связанным с пространственным значением каждой приставки, как бы они ни разнились, выражая везде границы, предел действия, перенесённые из реального мира в абстрактную языковую сущность.

Наверное, самой существенной причиной разных подходов к изучению приставок и их семантики является тот факт, что «полисемия оказывается... источником теоретического дискомфорта, неудобным и нежелательным объектом. ИмPLICITно или эксплицитно, «хорошему» описанию соответствующего участка языка предписывается быть свободным от полисемии, которая сводится либо к случайному конгломерату форм, либо к *sui generis* оптической иллюзии, возникающей при взаимодействии «настоящего» значения и определённого контекста» (Плунгян 2001: 96).

При построении так называемых семантических сетей (описании всех значений) приставок, действительно, возникает ряд сложностей, связанных с многозначностью приставок, особенно если исследователи не просто описывают значения префиксов, приводя примеры (как это сделано в «Русской грамматике» 1980 г., например), а пытаются произвести подробный анализ: сводят все значения той или иной приставки к общей архисеме или соотносят все вторичные (непространственные, абстрактные) значения приставок с единственным первичным пространственным (см. работы А. Богуславского, М. А. Кронгауза, В. А. Плунгяна, Д. В. Якуниной).

Например, у многих приставок (а именно у семи: *вз-*, *вы-*, *из-*, *на-*, *от-*, *пере-*, *про-*, у восьми, если учитывать похожее значение префикса *пре-*) имеется значение ‘интенсивно совершить действие, названное производящим глаголом’ (ср., напр.: *взмолнуть*, *вымолкнуть*, *промолкнуть*, *перемолкнуть*) с небольшими отличиями в

оттенках смысла, и это значение в силу своей абстрактности не только в принципе мало соотносится с любым пространственным значением, но и имеется у таких разных по смыслу префиксов.

Подобных сложностей в семантике префиксов немало. Однако их нельзя игнорировать, основываясь исключительно на отрицании наличия у одной приставки нескольких разных значений. В рамках данной статьи мы попытались обосновать тот факт, что многие префиксы современного русского языка полисемичны и все их значения развились из первичных пространственных значений слов особой части речи индоевропейского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГАЛНАЙТИТЕ, Э. А. (1959) *Глаголы с приставкой по- в русском литературном языке XIX-XX веков (соотносительно с родственными по образованию литовскими глаголами)*. Москва.
- ДМИТРИЕВА, О. И. (2002) *Развитие идей Н. В. Крушевского в области префиксального глагольного словообразования // Николай Крушевский: научное наследие и современность*. Новое знание. Казань.
- КРУШЕВСКИЙ, Н. В. (1998) *Избранные работы по языкознанию*. Наследие. Москва.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (1981) *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Наука. Москва.
- МЕЙЕ, А. (2007) *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. Издательство ЛКИ. Москва.
- ПЛУНГЯН, В. А. (2001) *Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы*. Московский лингвистический журнал. Институт лингвистики РГГУ. Москва.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА: в 2 т. (1980). Наука. Москва.
- СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА: в 4 т. (МАС) (1985 – 1988). Институт русского языка. Русский язык. Москва.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. (1959) *Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т.* ГИС. Москва.
- ТАБАЧЕНКО, Л. В. (1996) *Генезис и эволюция глагольных приставок в истории русского языка*. Ростов.
- УЛУХАНОВ, И. С. (1977) *Словообразовательная семантика в русском языке*. Москва.